ПАРАДОКС

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Виктор Муравьёв

Виктор Муравьёв

Парадокс

«Автор»
2026

Муравьёв В.

Парадокс / В. Муравьёв — «Автор», 2026

Ироничная комедия о человеке с золотыми руками, своеобразной логикой и прошлым, которое лучше бы не вспоминать.

© Муравьёв В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Виктор Муравьёв
Парадокс

Глава 1

Степан не любил, когда люди выбрасывали хорошие вещи. Плохие, впрочем, тоже не одобрял, поскольку был убеждён, что у любой вещи есть второе предназначение, о котором её прежний хозяин мог просто не догадаться. Старый телевизор, например, прекрасно подходил для хранения картошки, а сломанный пылесос, если вытащить из него двигатель, превращался в довольно вместительную ёмкость для всякой мелочёвки. Правда, двигатель потом приходилось хранить отдельно, потому что выбрасывать исправный двигатель было бы уже настоящим свинством.

Поэтому стул, одиноко стоявший возле мусорных контейнеров, Степан заметил сразу.

Стул был кухонный, металлический, с серым сиденьем из искусственной кожи, которую в магазине наверняка называли экологической, поскольку ни одно животное добровольно участвовать в её изготовлении не согласилось бы. Одна ножка подозрительно смотрела в сторону, зато остальные три выглядели вполне прилично.

Степан остановился, прищурился и обошёл находку кругом, как покупатель, которому предложили автомобиль с пробегом.

— Почти новый, даже десять лет не отработал.

Он произнёс это с искренним возмущением, поскольку прекрасно помнил времена, когда мебель переходила от родителей к детям, а потом ещё лет двадцать стояла на даче, ожидая, пока кто-нибудь наконец объяснит ей, что она уже умерла.

В свои тридцать пять Степан уже успел убедиться, что люди разучились ценить вещи. Раньше, по его мнению, выброшенный стул можно было спокойно использовать ещё лет пятнадцать, а нынешние изделия почему-то ломались чуть ли не сразу после окончания гарантии. Впрочем, когда именно закончились те самые хорошие времена, Степан точно сказать не мог. Некоторые из них он по вполне объяснимым причинам помнил довольно смутно.

Взявшись за спинку, Степан приподнял стул, и одна из ножек немедленно отвалилась, звякнув об асфальт.

Он рассматривал отвалившуюся ножку с тем выражением, с каким опытный врач смотрит на пациента, который слишком рано решил выписаться.

— Ну вот, а я тебе уже поверил.

Ножка представляла собой обычную металлическую трубку, выскочившую из крепления. Степан вставил её обратно, приложил ладонь к сиденью и крепко хлопнул, после чего проверил соединение, несколько раз покачав стул за спинку.

Результатом он остался доволен.

Вообще Степан считал, что половину неисправностей можно устранить хорошим ударом, а вторую половину лучше не трогать, поскольку после первого удара они обычно переходят в первую категорию.

Он подхватил приобретение и направился домой, прикидывая, где его поставить. На кухне уже имелись два стула, причём один использовался преимущественно для хранения одежды, так что третьему вполне можно было найти применение. Например, поставить на балкон, чтобы было на чём сидеть, когда придётся размышлять, зачем он вообще понадобился.

До подъезда оставалось метров тридцать, когда Степан услышал женский голос.

— Да отстань ты от меня! Сколько можно повторять?!

У входа в дом стояла девушка с двумя продуктовыми пакетами, а перед ней крутился парень в спортивной куртке, явно не желавший заканчивать разговор. Он преграждал дорогу, пытался схватить её за руку и делал это с той неприятной уверенностью, с какой некоторые люди полагают, будто слово «нет» означает лишь недостаточно убедительное «да».

Степан остановился.

Ситуация ему не понравилась, хотя поначалу он даже не понял почему. Потом решил, что причина, скорее всего, в спортивной куртке. У него самого когда-то была похожая, и ничего хорошего из этого периода жизни он вспомнить не мог. Особенно тот случай с участковым и велосипедным насосом, который до сих пор вызывал у него противоречивые чувства.

Перехватив стул за спинку, Степан подошёл к парочке и с видом участкового, только что обнаружившего подпольный игорный дом, поинтересовался:

— Голубей насилуем?

Оба замерли.

Девушка перестала вырываться, парень отпустил её руку, а Степан, заметив наступившую тишину, вдруг понял, что произнёс что-то не вполне соответствующее обстановке.

Он нахмурился, приложил указательный палец к подбородку и посмотрел немного вверх, словно пытался разглядеть на невидимом потолке правильный вариант собственного вопроса.

В голове действительно обнаружилась ошибка. Причём довольно серьёзная.

Но исправлять её Степан не стал, поскольку с детства знал, что признание собственной неправоты только раззадоривает окружающих.

— А?

Парень перевёл взгляд со Степана на стул и обратно и, видимо, пришёл к выводу, что перед ним человек, которому срочно требуется квалифицированная помощь, желательно с отдельной палатой.

— Слышь, алкаш, иди своей дорогой!

Степан оскорблённо поджал губы.

Алкашом он себя не считал. Во всяком случае, именно сейчас он был совершенно трезв, а значит, обвинение носило откровенно клеветнический характер. Да и вообще, какое отношение имели его личные отношения со спиртными напитками к происходящему возле подъезда?

Он уже собирался указать молодому человеку на эту очевидную логическую ошибку, когда девушка торопливо обратилась к нему:

— Мужчина, помогите, пожалуйста! Он меня не отпускает!

Степан внимательно посмотрел на её руку, потом на парня, после чего поставил стул перед собой и опёрся на спинку обеими ладонями.

В принципе, драться он не собирался. Во-первых, стул было жалко, во-вторых, потом пришлось бы объясняться с полицией, а в-третьих, опыт подсказывал, что драка представляет собой довольно дорогой способ выяснить, кто из участников хуже воспитан.

— А ты давай, ударь меня.

Предложение прозвучало настолько неожиданно, что парень даже отступил на полшага. Степан же, почувствовав интерес к своей персоне, немедленно решил развить успех.

Он выпрямился и с достоинством человека, зачитывающего заранее подготовленную судебную претензию, продолжил:

— Я тебя засужу. Ещё и всем расскажу, что ты ко мне приставал, всякие неприличные предложения делал и мою шелковистую попку трогать пытался.

Парень открыл рот, но ничего не сказал.

Очевидно, подобного поворота в своей биографии он не предусматривал. Одно дело — повздорить с незнакомым мужиком у подъезда, и совсем другое — потом объяснять знакомым, почему этот мужик рассказывает про какие-то шелковистые части тела.

Особенно если мужик со стулом.

Степан между тем вошёл во вкус. Его довольно давно никто не слушал с таким вниманием, если не считать продавщицу гастронома, которой на прошлой неделе он обстоятельно объяснял, почему стоимость плавленого сырка не должна зависеть от курса доллара.

— И не надейся, что я отпираться буду. Я, между прочим, мужчина честный, если меня кто обесчестит, так я скрывать не стану.

Девушка прикрыла рот ладонью. Она ещё не вполне понимала, смеяться ей или убегать, однако положение уже не выглядело настолько безвыходным, как минуту назад.

Парень посмотрел на неё и, кажется, впервые осознал, что произошедшее может закончиться для него не самым выигрышным образом.

— Да ну вас обоих, ненормальные какие-то!

Он раздражённо махнул рукой и пошёл прочь, пробормотав себе под нос ещё несколько определений, которые Степан счёл нецензурными и потому мысленно заменил на слово «невоспитанный».

Проводив его взглядом, Степан, решив, что победа должна сопровождаться хотя бы небольшим торжественным мероприятием, вытянул шею и протянул вслед:

— Э-э-э! Какие нежные все стали! Быдло!

Парень остановился.

Степан тоже остановился, хотя никуда и не шёл. Просто на всякий случай крепче ухватился за стул.

— Чего ты сказал?!

В голосе молодого человека прозвучала такая искренняя обида, словно его только что несправедливо исключили из общества благородных девиц.

Степан на секунду задумался. Слово он выбрал подходящее, интонацию тоже, но вот расстояние между ними оказалось недостаточным для безопасного продолжения дискуссии.

Парень уже развернулся и направился обратно.

Прикинув возможные варианты, Степан пришёл к выводу, что собственные зубы ему ещё пригодятся, а потому решил временно доверить решение конфликта мебели.

Стул полетел вперёд довольно неуклюже, описав в воздухе неполный оборот.

Парень попытался отскочить, однако одна из металлических ножек задела его по голени. Он споткнулся о бордюр, нелепо взмахнул руками и растянулся на асфальте, успев напоследок сообщить окружающим, что совершенно не согласен с подобным развитием событий.

Стул приземлился рядом.

От удара у него снова отвалилась ножка.

Степан покачал головой.

— Ну вот что за люди пошли? Всё ломают, до чего дотянутся.

Девушка медленно перевела взгляд с лежащего парня на стул, затем на Степана, который уже подбирал своё имущество, и окончательно убедилась, что этот день заслуживает отдельного места в её воспоминаниях.

Тем временем молодой человек поднялся на четвереньки, потом встал, ощупал ушибленную ногу и посмотрел на Степана с явным намерением высказать всё, что о нём думает.

Степан встретил этот взгляд спокойно, хотя на всякий случай снова взялся за спинку стула.

— Давай, давай, иди уже. Ты мне ещё за ножку должен, между прочим.

Парень оценил расстояние, выражение лица противника и наличие у того пусть неисправного, но всё ещё достаточно увесистого предмета мебели.

После некоторого внутреннего совещания он решил, что сегодня справедливость может обойтись без его участия.

Развернувшись, молодой человек зашагал прочь, заметно прихрамывая.

Степан проводил его взглядом и неодобрительно цокнул языком.

В его представлении молодёжь окончательно распустилась. Причём тот факт, что некоторые представители этой молодёжи были всего на несколько лет младше него самого, нисколько не мешал ему относиться к ним с заслуженным, по его мнению, превосходством. Степан вообще считал, что жизненный опыт измеряется не годами, а количеством неприятностей, в которые человек успел попасть. По этой системе подсчёта он давно уже мог претендовать как минимум на должность почётного пенсионера.

Он снова вставил ножку в крепление, хлопнул по сиденью и только после этого вспомнил о девушке.

Та стояла у подъезда, всё ещё прижимая к себе пакеты.

— Ну что, красавица, давайте я вам хоть пакетик один донесу.

Степан подмигнул настолько выразительно, что у девушки возникло подозрение, будто он пытается одновременно передать ей секретное сообщение и избавиться от соринки в глазу.

Он приблизился на шаг и, немного понизив голос, доверительно добавил:

— Сами понимаете, на чаёчек напрашиваюсь. Можно даже с булочкой. Я сегодня, между прочим, сосисок не ел, а ведь вторник.

Девушка растерянно моргнула.

Она хотела поблагодарить незнакомца, но упоминание сосисок неожиданно нарушило ход её мыслей. Теперь ей почему-то стало необходимо узнать, какое отношение к ним имеет вторник, хотя внутренний голос настойчиво советовал не задавать лишних вопросов.

— А при чём здесь вторник?

Степан посмотрел на неё с нескрываемым удивлением.

Ему показалось странным, что взрослая девушка, способная самостоятельно покупать продукты и пользоваться ключами от квартиры, не знает таких элементарных вещей.

Он поудобнее перехватил стул и терпеливо объяснил:

— Так завтра же среда. Я что, завтра должен сегодняшние сосиски есть? Вы вообще календарь смотрите иногда?

Девушка промолчала.

Впервые за всё время ей пришло в голову, что молодой человек, который приставал к ней возле подъезда, возможно, был далеко не самым странным человеком, которого ей предстояло сегодня встретить.

А Степан, не дождавшись ответа, вздохнул и посмотрел на пакеты.

— Так чего, понесу или будем здесь до четверга стоять?

Девушка ещё раз внимательно посмотрела на Степана. Вроде обычный мужик, лет тридцати пяти, разве что немного помятый, словно его однажды сложили в чемодан, а потом забыли расправить. Одет просто, лицо вполне человеческое, глаза добрые, хотя и с некоторой усталостью от окружающей действительности. И ведь заступился, между прочим. Бывший её уже вторую неделю караулил возле подъезда, а тут незнакомый человек подошёл и за какие-то две минуты решил проблему, которую она никак не могла решить сама.

Правда, способ оказался весьма своеобразным, но победителей, как известно, не судят. Особенно если у победителя имеется стул.

Она взглянула на свои пакеты, вспомнила про купленные пельмени и подумала, что накормить человека, который явно рассчитывал хотя бы на булочку, было бы вполне приличным поступком. Тем более что Степан терпеливо ожидал ответа, с видом человека, готового при необходимости простоять здесь до обещанного четверга.

— Ну, пойдёмте, раз уж вы так просите. Чаем хоть напою, а то неудобно как-то получилось.

Степан удовлетворённо кивнул, забрал один из пакетов и пристроил стул под мышкой, предварительно убедившись, что многострадальная ножка всё ещё держится. Предложение

показалось ему вполне разумным, поскольку отказываться от приглашения в гости он считал дурной приметой. Особенно если приглашали туда, где имелся холодильник.

Поднялись они на третий этаж. Девушка открыла дверь квартиры и, пропустив своего неожиданного гостя вперёд, приветливо произнесла:

— Проходите, не стесняйтесь.

Степан вошёл с уверенностью человека, который не стеснялся даже в тех случаях, когда это настоятельно рекомендовалось. Поставил пакет возле обувной полки, и тот немедленно завалился набок, рассыпав по полу часть содержимого. Консервная банка прокатилась под вешалку, луковица остановилась возле тапочка, а упаковка макарон застыла посреди прихожей, словно решила не участвовать в дальнейшем безобразии.

Степан посмотрел на продукты, цокнул языком и принялся разуваться. Один ботинок он отправил в сторону двери, второй — под тумбочку, причём оба движения выполнил с такой непринуждённостью, будто именно там обувь и должна была находиться.

Затем он огляделся, щёлкнул пальцами, указал на ближайший дверной проём и решительно направился туда.

Сделав два шага, Степан остановился.

Перед ним находилась гостиная. Диван, телевизор, журнальный столик и большое комнатное растение, которому, судя по выражению листьев, давно надоело общество людей. Кухней здесь даже не пахло, что Степан счёл серьёзным недостатком помещения.

— Вот беда-то, а! С кухней перепутал.

Он развернулся и спокойно отправился в противоположную сторону, нисколько не смутившись тем обстоятельством, что никто не просил его самостоятельно заниматься поиском кухни.

Девушка проводила гостя удивлённым взглядом, затем присела возле рассыпавшихся продуктов. Подобрала луковицу, выудила из-под вешалки банку и осторожно подняла пакет, предварительно подвернув его порвавшийся край.

Вообще-то она ещё никогда не встречала человека, который, впервые оказавшись в чужой квартире, вёл бы себя настолько непосредственно. Создавалось впечатление, что Степан не пришёл в гости, а вернулся из продолжительной командировки и теперь проверял, всё ли осталось на своих местах.

Когда девушка добралась до кухни, он уже сидел за столом.

Стул, найденный возле мусорных контейнеров, остался в прихожей, прислонённый к стене, зато сам Степан успел обнаружить вполне исправный кухонный табурет и расположился на нём с таким удобством, словно давно являлся частью местной обстановки.

Он молчал, медленно барабаня пальцами по столешнице. Ритм получался задумчивый и несколько печальный, как будто где-то далеко играл оркестр, которому забыли заплатить.

Девушка поставила пакет на стол, включила электрический чайник и принялась разбирать покупки. В холодильник отправились сыр, масло, молоко и упаковка сосисок, при виде которых Степан заметно оживился, хотя никаких замечаний не сделал.

Она вдруг подумала, насколько странно всё получилось.

Ещё десять минут назад она ругалась с бывшим возле подъезда, опасаясь, что тот опять устроит скандал, а теперь на её кухне сидел незнакомый мужчина, которого она даже по имени не знала. Причём сидел молча, ничего не требовал и только постукивал пальцами, словно ожидал начала какого-то важного совещания.

С другой стороны, человек помог. Да и выглядел сейчас вполне безобидно.

Девушка достала из шкафчика вазочку с конфетами, поставила перед ним и улыбнулась.

— Сейчас чай будет готов. Вы пока угощайтесь.

Степан посмотрел на конфеты с искренним уважением. Среди них обнаружились шоколадные, карамельные и две подозрительно красивые, завёрнутые в золотистую фольгу. Послед-

ние он решил пока не трогать, поскольку давно заметил, что самые нарядные конфеты обычно содержат внутри что-нибудь неожиданное.

Выбрав обыкновенную карамельку, он развернул её, отправил в рот и довольно причмокнул.

Девушка продолжала раскладывать продукты, время от времени поглядывая на гостя. На лице Степана сохранялось выражение спокойного удовлетворения жизнью, и она невольно улыбнулась, подумав, что, возможно, зря сначала испугалась его странностей.

Закончив с покупками, она закрыла холодильник и указала рукой в сторону коридора.

— Ванная там, кстати.

Степан перестал барабанить пальцами.

Он внимательно посмотрел на девушку, затем слегка приподнял руку и осторожно принюхался к собственной подмышке. После непродолжительного исследования его лицо приобрело озабоченное выражение.

— А чего, сильно пахнет, да?

Девушка не удержалась и рассмеялась.

Вот это, по её мнению, была уже настоящая шутка! Причём произнесённая настолько серьёзно, что на мгновение можно было поверить, будто человек действительно обеспокоен состоянием своих подмышек.

Она покачала головой и, всё ещё улыбаясь, пояснила:

— Да нет, я про руки говорю! Вы же со стулом этим возились, потом пакет несли. Что вы такое говорите? Хотя шутка смешная!

Степан посмотрел на свои ладони.

Действительно, руки были грязноваты. Особенно правая, на которой после ремонта стула осталось тёмное пятно непонятного происхождения. Степан попробовал стереть его большим пальцем, но пятно не поддалось, чем окончательно подтвердило необходимость посещения ванной комнаты.

— А, руки? Ну ладно, пойду помою. Помоемся, так сказать. Банный день можно сказать.

Он поднялся из-за стола и направился в коридор, по дороге машинально поправив стоявший возле стены стул. Тот немного качнулся, однако устоял, что Степан воспринял как очередное доказательство качества произведённого ремонта.

Ванная оказалась небольшой, но аккуратной. Белая плитка, зеркало над умывальником, несколько разноцветных флаконов и стиральная машина, на которой стояла корзинка с какими-то женскими принадлежностями, предназначение которых Степан определять не стал.

Он подошёл к раковине, открыл кран и подставил руки под воду.

Поначалу всё шло как положено. Вода была тёплая, мыло пахло чем-то фруктовым, а зеркало позволяло убедиться, что за последние полчаса его внешность принципиально не изменилась.

Но вскоре Степан заметил подозрительное движение внизу.

Под раковиной, возле соединения трубы, собиралась вода. Маленькая капля набухала, отрывалась и падала на пол, после чего на её месте немедленно появлялась следующая.

Степан нахмурился.

Он наклонился, заглянул под умывальник и с профессиональным разочарованием проследил за каплями.

Вода продолжала капать.

Причём делала это совершенно бесстыдно, даже не пытаясь скрыть неисправность в присутствии постороннего человека.

Степан покачал головой, закрыл кран и снова посмотрел на соединение. Капли вскоре перестали появляться, зато на полу осталась небольшая лужица.

Подобного отношения к сантехнике он не одобрял.

За свою жизнь Степан успел поработать в самых разных местах, но особенно хорошо ему запомнились времена, когда приходилось возиться с трубами, кранами и прочим хозяйством, которое по необъяснимой причине предпочитало ломаться именно тогда, когда люди собирались отдыхать.

Он мог простить человеку многое. Невыключенный свет, неправильно припаркованную машину и даже привычку разговаривать по телефону в общественном транспорте. Но оставлять текущий кран без внимания представлялось ему почти личным оскорблением.

Степан ещё раз осмотрел соединение, после чего вытер мокрые руки о штанины и решительно вышел из ванной.

На кухне девушка как раз доставала чашки. Услышав шаги, она обернулась и увидела гостя, который остановился в дверях с чрезвычайно деловым выражением лица.

— Хозяйка! Разводной ключ, отвёртка, может, изолента даже. Если ФУМ-лента есть, вообще шикарно!

Девушка застыла с чашкой в руке.

Она пыталась понять, каким образом мытьё рук могло привести к необходимости срочно искать строительные инструменты. Возможно, что-то случилось с раковиной? Или Степан случайно что-нибудь сломал и теперь собирался устранить последствия?

Она осторожно поставила чашку на стол и удивлённо спросила:

— Вы про что сейчас говорите?

Степан посмотрел на неё с таким изумлением, словно услышал вопрос о том, зачем человеку вообще нужны ноги.

Он указал большим пальцем себе за спину, туда, где находилась ванная, и терпеливо, хотя уже с некоторым раздражением, объяснил:

— Кран у вас, говорю, течёт! Господи, какая ты, а, недалёкая-то! Вот молодёжь пошла. Инструменты, говорю, есть? Кран починю!

Девушка даже не сразу нашлась с ответом.

С одной стороны, совершенно незнакомый мужчина только что назвал её недалёкой, причём сделал это у неё же дома, куда был приглашён на чай. С другой — он, похоже, действительно собирался бесплатно починить сантехнику, о неисправности которой она знала уже несколько дней.

Она вспомнила, как собиралась вызвать мастера, сколько тот запросил за один только приезд, и решила, что небольшие особенности общения вполне можно потерпеть.

— Да вроде есть что-то... Я точно не знаю. Посмотрите в шкафчике в прихожей, там инструменты лежат. Только я не уверена, что именно.

Степан просиял.

Он щёлкнул пальцами обеих рук, изобразил указательными пальцами два пистолета и направил их в сторону девушки. Один воображаемый выстрел пришёлся на холодильник, второй — на чайник, после чего Степан довольно прищурился.

— Ни слова больше! Сейчас всё будет чики-пуки!

Он развернулся и отправился в прихожую с видом человека, которому только что доверили ответственную государственную операцию.

Девушка проводила его взглядом, затем посмотрела на закипающий чайник и почему-то решила пока не разливать чай по чашкам.

Из коридора уже доносился шум открываемых дверец и негромкое Степаново бормотание, в котором отчётливо различались слова «куда засунули», «в хозяйстве пригодится» и «вот это уже по-нашему».

Она вздохнула, присела на табурет и взяла одну из конфет.

Кажется, вечер обещал быть гораздо интереснее, чем она предполагала.

Прошло около двадцати минут, прежде чем из ванной перестали доноситься звуки возни, периодического звяканья инструментов и негромкого Степанова ворчания. За это время он успел не только разобраться с протекающим соединением, предварительно перекрыв воду и подставив найденное ведёрко, но и перебрать остальные доступные соединения, после чего тщательно отмыл сантехнику. Для последнего мероприятия прекрасно подошла кухонная тряпка, которую он обнаружил на полотенцесушителе и без особых сомнений приспособил для уборки.

Закончив, Степан проверил результат, остался доволен и вернулся на кухню, где девушка как раз снимала с плиты кастрюлю с пельменями.

— Всё сделано! Тряпочку потом состирну, а сначала обещанная еда. Я же, получается, жрать хочу, хозяйка-то!

Девушка обернулась и улыбнулась. Ей было даже немного неловко: человек пришёл на чай, а в результате бесплатно починил сантехнику, до которой у неё самой уже давно не доходили руки.

— Да, конечно! Я как раз пельмени доварила. Сейчас всё будет.

Она достала глубокую тарелку, переложила в неё приличную порцию пельменей и поставила перед гостем. Степан немедленно придвинул тарелку поближе, но приступать к еде пока не спешил, поскольку заметил, что хозяйка всё ещё держит в руках половник.

— Вам с бульоном?

Степан утвердительно кивнул, предварительно оценив количество свободного места в тарелке.

— С бульоном.

Девушка налила немного бульона и, вспомнив, что некоторые предпочитают пельмени со сливочным маслом, потянулась к холодильнику.

— Маслица положить?

Степан посмотрел на неё с таким выражением, словно она предложила ему весьма разумное дополнение к уже заключённому выгодному соглашению.

— Положить.

Масло отправилось в тарелку, а девушка, решив окончательно уточнить вкусовые предпочтения гостя, взяла со стола перечницу.

— Перчик насыпать?

Степан снова кивнул, однако на этот раз счёл необходимым пояснить свою позицию.

— Ну раз есть перчик-то, чего бы его не насыпать? Если бы не было перчика, был бы странный вопрос. Конечно, сыпьте!

Девушка улыбнулась и несколько раз встряхнула перечницу над тарелкой, стараясь не переборщить с приправой.

— Вот, пожалуйста, чёрный перец.

Степан укоризненно цокнул языком. Он уже взял ложку, но теперь отложил её, поскольку обнаружил куда более важное обстоятельство, требующее немедленного вмешательства.

— Правильно говорить не чёрный, а афроамериканский.

Девушка рассмеялась и покачала головой. Подобных замечаний от гостей ей ещё слышать не приходилось, а Степан произнёс это настолько серьёзно, словно только что поправил грубейшую грамматическую ошибку.

— Удивительный у вас юмор! Конечно, приятного аппетита. И спасибо, что починили кран!

Степан благосклонно кивнул и наконец приступил к еде. Первый пельмень он прожевал с явным удовольствием, второй предусмотрительно обмакнул в растопленное масло, а третий отправил в рот целиком, предварительно убедившись, что тот не слишком горячий.

Девушка присела напротив и украдкой взглянула на неожиданного гостя. Только теперь до неё дошло, что она не знает, как его зовут. Более того, за последние полчаса он успел защитить её от бывшего, принести домой сломанный стул, починить сантехнику и расположиться за кухонным столом, даже не сочтя нужным представиться.

— А как вас зовут?

Вопрос застал Степана в самый неподходящий момент. Он как раз отправил в рот очередной пельмень и теперь, не желая заставлять даму ждать, аккуратно выплюнул его обратно в тарелку. Затем облизнул губы, вытер рот салфеткой и с чрезвычайно учтивым видом представился:

— Степан. Очень приятно!

Он протянул руку через стол, чуть не задев тарелку с пельменями. Девушка пожала её, стараясь не рассмеяться от всей торжественности происходящего.

— Катя.

Степан удовлетворённо кивнул, отпустил её ладонь и внимательно посмотрел на новую знакомую, словно только теперь получил официальное разрешение рассмотреть её как следует.

— Очень приятно, Катя. Красивая ты всё-таки, Катя! Вот я помню, в детстве мультик смотрел, «Чип и Дейл». Черно-белый, правда. Ну, немножко, конечно, черно-белый. Так-то мультик цветной был, это телевизор у нас черно-белый был.

Он подцепил ложкой очередной пельмень, однако есть не стал, поскольку воспоминание неожиданно оказалось куда увлекательнее содержимого тарелки.

— Вот там Гаечка была. Ты мне её напоминаешь! Ох, как я любил тогда Гаечку, ты не поверишь. Бывало, засыпаешь, рукой подушку гладишь и думаешь: «Гаечка, Гаечка, Гаечка...» Вот так я к технике и приучился! Гаечки, шурупчики, болтики — всё это дело люблю.

Катя расхохоталась.

Она не ожидала, что обычный комплимент может превратиться в признание детской любви к мультяшной мышке, да ещё и закончиться объяснением профессионального интереса к сантехнике. Самое удивительное заключалось в том, что Степан, похоже, действительно считал рассказ вполне романтичным.

— Вы стендапер, наверное?

Степан задумчиво поднял глаза к потолочной лампе.

Слово показалось ему знакомым, хотя точного значения он вспомнить не смог. Возможно, что-то медицинское. Он на всякий случай прожевал пельмень, чтобы ненароком не произнести лишнего, и после небольшой паузы ответил:

— Вообще, я давно не проверялся, конечно. Вот лет восемь назад на работе медосвидетельствование проходил, было такое, да...

Он цокнул языком, припоминая результаты того памятного мероприятия, а затем уверенно покачал головой.

— Но мне таких диагнозов не выставляли.

Катя снова улыбнулась. Она поднялась из-за стола, взяла чайник и слегка наклонила его, проверяя, сколько там осталось воды.

— Ещё чаю?

Степан вздохнул, посмотрел на недоеденные пельмени и с видом человека, которому приходится идти на небольшую, но вполне допустимую уступку, согласился:

— Ну раз есть, чего бы ещё не попить, конечно. Я бы всё-таки чего покрепче предпочёл. Кофе там, коньяк...

Катя поставила чайник обратно на подставку. Вообще-то коньяка у неё не было, зато после недавних гостей в холодильнике оставалась бутылка вина, о которой она совершенно забыла.

— Есть вино.

Степан просиял. Он отложил ложку, расправил плечи и посмотрел на хозяйку с таким уважением, словно она только что произнесла одну из величайших мудростей человечества.

— Хороший тост!

Катя рассмеялась, встала из-за стола и направилась к холодильнику.

Глава 2

После нескольких бокалов вина Степан вдруг замер, словно вспомнил нечто чрезвычайно важное. Он нахмурился, посмотрел в сторону коридора и с досадой хлопнул себя по колену.

— Ох ты, ёксель-моксель! Тряпку забыл постирать, понимаешь?!

Катя удивлённо подняла глаза, не сразу сообразив, о какой именно тряпке идёт речь. Степан же решительно поднялся из-за стола, по-дружески хлопнул её по плечу и с выражением человека, отправляющегося в дальнюю и опасную экспедицию, произнёс:

— Жди меня, и я вернусь!

Он вышел в коридор, оставив Катю размышлять, почему обычная стирка сопровождалась столь торжественным прощанием.

В ванной Степан обнаружил забытую мокрую тряпку, которой совсем недавно отмывал сантехнику. Стиральная машина уже была загружена бельём, что значительно упрощало задачу. Он отправил тряпку к остальным вещам, закрыл люк, выбрал получасовую программу и нажал кнопку запуска.

Степан дождался, пока бельё за стеклом начнёт вращаться, удовлетворённо кивнул и вернулся на кухню, отряхивая руки с таким видом, словно только что закончил капитальный ремонт промышленного предприятия.

— Вот я молодец, а! Постирушка! Постирушка да я! У меня даже в детстве кличка была... Ну да ладно.

Катя улыбнулась, однако расспрашивать о детской кличке не стала. За время знакомства она уже успела заметить, что рассказы Степана нередко уходили в неожиданные стороны, причём возвращаться обратно он не торопился.

Тем временем Степан уселся на своё место, взял бутылку вина и наклонил её над бокалом.

Ничего не произошло.

Он наклонил сильнее, заглянул в горлышко, затем несколько раз встряхнул бутылку, надеясь обнаружить хотя бы небольшие остатки. Убедившись, что вино закончилось, Степан взял стеклянную ёмкость обеими руками и попытался её сжать, словно перед ним находился тюбик зубной пасты, из которого непременно следовало выдавить последнюю каплю.

Бутылка сопротивлялась с достоинством, свойственным качественному стеклу.

Катя, успевшая выпить пару бокалов вина, наблюдала за происходящим с откровенным удовольствием. Ей всё больше нравился этот странный человек, умудрявшийся даже самые обыкновенные вещи превращать в небольшое представление.

— Слушайте, а хотите, я вас буду снимать?

Степан прекратил мучить бутылку. Он медленно повернул голову, приподнял одну бровь и улыбнулся с таким пониманием, будто предложение оказалось несколько неожиданным, но в целом вполне соответствовало его представлениям о гостеприимстве.

— Я вообще мужчина, так сказать, воспитанный, да. Я же, считай, честный этот... как его... католик!

Он поставил бутылку на стол и для убедительности приложил ладонь к груди, подчёркивая серьёзность собственных намерений.

— Ну я так сразу не могу! Мне вот там цветы надо дать, конфетки всякие. Я же не это, не того самого, да. Не «Бабушка лёгкого поведения — 2»! Фильм такой видел.

Катя не выдержала и рассмеялась. Только теперь до неё дошло, в каком именно смысле Степан понял предложение его снимать. Она-то собиралась записать на телефон несколько забавных видео, а гость, похоже, уже мысленно составлял программу ухаживаний, в которой цветы и конфеты являлись обязательными условиями допуска к дальнейшим мероприятиям.

Решив пока не объяснять недоразумение, девушка поднялась из-за стола, открыла кухонный шкафчик и достала коробку «Рафаэлло», оставшуюся после недавнего праздника. Поставив конфеты перед Степаном, она включила чайник.

Степан с интересом посмотрел на коробку, затем на Катю и одобрительно кивнул. Предложение снимать его, видимо, было серьёзным, раз дело уже дошло до конфет.

Катя тем временем убрала пустую бутылку и, вернувшись к столу, устроилась напротив гостя. Ей вдруг стало любопытно, откуда вообще взялся этот удивительный мужчина, который за один вечер успел устроить представление возле подъезда, починить сантехнику, затеять стирку и признаться в детских чувствах к мультяшной мышке.

— А раз вино закончилось, давайте расскажите про себя. Мне очень интересно.

Степан вдруг перестал слушать Катю. Его взгляд переместился куда-то за её плечо, лицо стало сосредоточенным, а указательный палец медленно поднялся вверх. Слегка покачнувшись на табурете, он настороженно произнёс:

— Тихо! Слышишь?

Катя невольно обернулась и тоже прислушалась. В квартире было тихо, если не считать едва различимого шума с улицы. Она даже немного замерла, пытаясь уловить то, что так заинтересовало гостя, после чего шёпотом ответила:

— Нет.

Степан укоризненно цокнул языком и неожиданно хлопнул ладонью по столу. От резкого звука Катя вздрогнула, едва не задев локтем чашку.

— Вот и я не слышу!

Он выдержал многозначительную паузу, словно только что они совместными усилиями установили чрезвычайно важный факт, и добавил уже серьёзно:

— А должно быть слышно. Пойду разберусь.

Степан поднялся из-за стола и направился в ванную, оставив Катю в некотором недоумении. Она ещё раз прислушалась, но ничего подозрительного не обнаружила, а потому решила посмотреть, чем закончится очередная экспедиция её необычного гостя.

Возле стиральной машины Степан остановился и наклонил голову. Прибор вроде бы работал, на панели горел индикатор, а если подойти совсем близко, можно было расслышать негромкое гудение двигателя. Однако барабан за стеклянной дверцей стоял неподвижно.

Степан постучал пальцем по стеклу, немного подождал и неодобрительно покачал головой. Машинка никак не отреагировала на его недовольство, чем окончательно подтвердила возникшие подозрения.

— Катюха! Подойди сюда, чего покажу!

Девушка появилась в дверях ванной и с опаской посмотрела на машинку. За последний час этот человек уже обнаружил одну неисправность, о существовании которой она предпочитала не вспоминать. Теперь, судя по его выражению лица, неприятности продолжались.

— Что тут случилось?

Вместо ответа Степан сунул руку в карман брюк и принялся сосредоточенно там копаться. Пошарив пальцами, он вытащил наружу крепко сжатый кулак и протянул его девушке.

— Вот, открой ладошку.

Катя осторожно взяла его за руку и разжала пальцы. Ладонь оказалась совершенно пустой, что окончательно поставило её в тупик.

— Тут ничего нет.

Степан удовлетворённо кивнул. Именно такого ответа он и добивался, поэтому теперь мог с полным основанием перейти к объяснению.

— Вот видишь? А должно быть!

Катя посмотрела на пустую ладонь, потом на стиральную машину и снова на Степана. Логической связи между этими предметами она не обнаружила, хотя уже начинала подозревать, что в присутствии этого человека искать её было не самым благодарным занятием.

— Это какая-то шарада?

Степан возмущённо фыркнул и убрал руку обратно в карман.

— Это какая-то шняга! У тебя двигатель работает, а барабан не крутится. В этой руке должен быть гаечный ключ уже, женщина! Ремонтировать будем машинку. Сейчас воду сольём. Неси водку, гаечный ключ и тряпку!

Катя отправилась в прихожую, где в шкафчике лежали инструменты, однако почти сразу обнаружила существенное препятствие для выполнения полученного распоряжения. С гаечным ключом проблем не возникло, а вот спиртных напитков в квартире больше не оставалось.

— У меня нет водки.

Степан огорчённо цокнул языком и посмотрел на машинку с таким выражением, будто предстоящие работы внезапно лишились необходимого технического обеспечения.

— Жаль. С ней ремонт быстрее бы пошёл. Ну, попробуем справиться без спиртовых. Хотя стиральную машинку починить, конечно, сложно, но можно.

Он выключил программу, вынул вилку из розетки и принялся осматривать нижнюю часть машинки. Воду предстояло слить через фильтр, расположенный за небольшой крышкой внизу передней панели. Степан прекрасно понимал, что, стоит открутить пробку, вода потечёт прямо на пол, а потому заранее огляделся в поисках чего-нибудь подходящего.

На крючке возле двери висело большое махровое полотенце.

Степан снял его, расстелил перед машинкой и осторожно приоткрыл слив. Вода тут же потекла на полотенце, быстро пропитывая ткань. Когда оно достаточно намокло, Степан закрутил пробку, собрал полотенце и выжал его в стоявшее рядом ведро, после чего снова расстелил на полу.

Катя, наблюдавшая за происходящим, поначалу даже не поняла, что именно он использует вместо тряпки. Но когда до неё дошло, она невольно всплеснула руками.

— Господи, моё полотенце!

Степан посмотрел на неё с искренним недоумением. В его представлении всё происходило как положено: вода собиралась, ведро наполнялось, а полотенце прекрасно справлялось со своими непосредственными обязанностями, пусть даже хозяйка прежде о таких обязанностях не подозревала.

— Спокойно, всё под контролем! Оно тоже имеет свойство стираться. Я однажды по телевизору видел программу научно-популярную, да, там говорили: полотенца стирать можно. Вот такой интересный научный факт!

Катя открыла рот, собираясь что-то возразить, но подходящих слов не нашлось. Спорить с человеком, который ссылался на научно-популярную передачу в защиту мокрого банного полотенца, казалось бессмысленным. К тому же вода действительно никуда не растекалась, а Степан действовал довольно уверенно.

Ещё несколько раз выжав полотенце в ведро, он убедился, что вода перестала вытекать из фильтра, закрутил пробку и убрал ведро в сторону. Затем насухо протёр оставшиеся мокрые места, отодвинул машинку от стены и заглянул за неё.

Задняя панель крепилась несколькими винтами, для которых требовалась подходящая отвёртка. Степан оглянулся на хозяйку, всё ещё переживавшую за судьбу полотенца.

— А крестовая отвёртка есть?

Катя задумалась. В шкафчике действительно лежало довольно много инструментов, однако отличать их друг от друга она привыкла исключительно по внешнему виду, а не по названиям.

— А я не знаю.

Степан поднял указательный палец, мгновенно найдя выход из затруднительного положения.

— О, точно! Пойди и узнай!

Девушка посмотрела на него, затем молча отправилась в прихожую. В коробке обнаружились плоскогубцы, несколько гаечных ключей, моток изоленты и целая россыпь отвёрток. Выбрав ту, у которой наконечник действительно напоминал крестик, Катя вернулась в ванную.

— Вот, кажется, крестовая.

Степан принял инструмент, внимательно осмотрел его и одобрительно кивнул. На этот раз хозяйка справилась с поручением без каких-либо дополнительных объяснений, что заметно подняло её в его глазах.

Открутив винты и сняв заднюю крышку, он почти сразу обнаружил причину неисправности. Приводной ремень, соединявший двигатель с большим шкивом барабана, слетел со своего места и теперь бесполезно лежал внизу корпуса.

Степан присел на корточки и довольно ухмыльнулся.

— Ага! Вот ты где, паразит!

Катя заглянула через его плечо, но ничего особенно примечательного не увидела. Для неё внутренности стиральной машины представляли собой набор совершенно непонятных деталей, назначение которых она не собиралась выяснять до сегодняшнего вечера.

Степан тем временем осмотрел ремень, проверил, нет ли на нём повреждений, и, убедившись, что тот цел, вернул его на шкивы. Прокрутив барабан рукой несколько раз, он проверил, что ремень идёт ровно и никуда не соскальзывает.

Результат его вполне устроил.

Он установил заднюю крышку обратно, закрепил её винтами, после чего задвинул машинку на прежнее место. Ещё раз проверив сухой пол, подключил питание и выпрямился, довольно потирая ладони.

— Ну что, хозяйка, принимай работу!

Катя подошла поближе. Степан включил машинку и запустил программу стирки, после чего оба уставились на круглое окошко, ожидая результата.

Сначала послышалось привычное гудение, затем машинка немного подумала, набрала воду и наконец медленно провернула барабан. Сделав несколько оборотов, тот остановился, после чего совершенно спокойно закрутился в противоположную сторону.

Стирка продолжилась как ни в чём не бывало.

Степан довольно прищурился, сложил руки на груди и с нескрываемым удовольствием полюбовался вращающимся бельём.

— Во! Совсем другое дело! Работает, родимая!

Катя убедилась, что стиральная машина работает, а затем перевела взгляд на Степана. Её удивляло, с какой лёгкостью этот странный человек справлялся с вещами, которые для неё представляли настоящую загадку. Причём делал это так уверенно, словно всю жизнь только и занимался тем, что ходил по чужим квартирам и возвращал технике работоспособность.

— А почему она сломалась-то?

Степан приложил указательный палец к подбородку, слегка приподняв нижнюю губу, и задумчиво посмотрел в потолок. Он застыл на месте, затем цокнул языком, будто наконец установил истинную причину происшествия.

— Да, видимо, белья лишнего оказалось. Нагрузка большая! Трусики, носочки там, вот это вот всё. Машинка, видимо, на четыре килограмма рассчитана, а тут четыре килограмма пятьдесят грамм. Вот ремешок и слетел!

Катя посмотрела на вращающееся за стеклом бельё. Проверять справедливость расчётов она не собиралась, поскольку сама не представляла, сколько весят четыре килограмма мокрых носков, зато результат ремонта был очевиден.

— Спасибо вам большое! Вы такой молодец!

Степан сморщился, словно услышал что-то неприличное. Благодарности он любил, особенно если они сопровождались едой, а вот излишняя официальность в общении его раздражала.

— Ой, не надо вот это на «вы»! У нас на заводе, я помню, да, в девяносто восьмом году все на «вы» были, очень вежливые! У нас даже ругались исключительно на «вы»: выгоню, высушу, выблюдок! Такая интеллигенция была, ой, до сих пор вспоминаю!

Катя с сомнением посмотрела на собеседника. Если Степану действительно было около тридцати пяти, то в девяносто восьмом году он вряд ли успел бы поработать на заводе, разве что его туда устроили сразу после детского сада. Впрочем, за сегодняшний вечер она уже убедилась, что уточнение подобных подробностей могло привести к совершенно непредсказуемому рассказу.

Степан между тем продолжил, нисколько не сомневаясь в достоверности собственных воспоминаний.

— Давайте лучше потыкаемся! Господи, потыкаемся, — сказал! Я говорю, давайте лучше на «ты», чтобы нам всё-таки, как говорится, соединиться этими... флюидами, что ли. Или как они там называются?

Катя, несмотря на выпитое вино, прекрасно расслышала последнее слово. Она прищурилась и посмотрела на Степана с весёлым подозрением.

— Какими ещё флюидами? Вы тут не придумывайте!

Она тут же вспомнила о только что достигнутой договорённости, поправилась и даже погрозила ему пальцем.

— Ты тут не придумывай! Флюиды он придумал! Ишь какой хитрый!

Степан безэмоционально посмотрел на неё, потом чуть повернул голову в сторону и опустил взгляд на пол. Казалось, слово «хитрый» затронуло какие-то далёкие воспоминания, которые до этого спокойно лежали на задворках его памяти.

Внезапно лицо его просветлело.

— А! Точно! Хитрюшка! Кличка у меня такая была, да, в школе, в третьем классе! Я ж тогда в раковину...

Он осёкся, задумался и махнул рукой, решив, что подробности школьной биографии сейчас будут неуместны.

— Ну да ладно, зачем эта лишняя информация? Ох ты господи, дыму-то уже напустили! Ладно, пойдём.

Степан развернулся и направился на кухню, оставив Катю размышлять, что именно он сделал с раковиной в третьем классе и почему это принесло ему прозвище Хитрюшка.

Когда она вошла следом, Степан уже стоял возле мойки и занимался посудой. Вода текла из крана, тарелки одна за другой отправлялись под губку, а сам он время от времени что-то негромко напевал себе под нос.

Катя остановилась возле дверного проёма.

Ещё недавно этот мужчина был для неё незнакомым человеком, который появился возле подъезда со сломанным стулом. Теперь же он успел поесть, выпить вина, починить кран, стиральную машинку и без всякого приглашения приступить к мытью посуды. Причём чувствовал себя настолько естественно, словно прожил здесь уже несколько лет и просто решил наконец заняться домашними делами.

Она хотела пошутить на эту тему, но случайно посмотрела в окно.

Улыбка немедленно исчезла с её лица.

Во дворе, на лавочке возле детских качелей, сидел Сергей. Тот самый, которого Степан совсем недавно отогнал от подъезда при помощи найденного стула. Парень смотрел в сторону дома и, судя по всему, никуда уходить не собирался.

— Господи, там Сергей!

Степан резко перекрыл воду, бросил недомытую тарелку в раковину и вскинул обе руки, словно только что услышал известие государственной важности.

— Как Сергей?! Он самый?! Который вот этот вот Сергей, вот этот вот, который Пушкин?!

Он замер с поднятыми руками, затем медленно опустил их и недовольно поморщился, осознав, что опять произнёс не совсем то, что собирался.

— Господи, Пушкин, — сказал! А про кого ты речь, простите?

Катя даже не улыбнулась. Она продолжала смотреть в окно, наблюдая, как Сергей меняет положение на лавочке, вытягивает ноги и достаёт телефон.

— Мой бывший. Которого ты стулом огрел.

Степан вытер мокрые руки о штаны и подошёл к окну. Он пригляделся к парню на лавочке, затем почесал затылок. Узнав спортивную куртку, он удовлетворённо хмыкнул, но Катя уже не обращала на него внимания.

Они стояли почти плечом к плечу, когда Степан вдруг повернулся к ней.

Девушка почувствовала движение и тоже обернулась. Их взгляды встретились, причём выражение Степанова лица оказалось настолько серьёзным, что Катя невольно приготовилась услышать что-нибудь действительно важное.

— А кто это?

Он тут же нахмурился, сообразив, что ответ на данный вопрос получил буквально несколько секунд назад.

— Господи, «кто это» — хотел спросить! А что делать-то теперь?

Катя тяжело вздохнула и вернулась к столу. Ситуация переставала казаться ей забавной. Сергей уже не первый раз появлялся возле её дома, и сегодняшняя выходка Степана, похоже, нисколько не отбила у бывшего желание продолжать свои визиты.

— Вызову полицию, пускай разбираются, почему он меня преследует!

Степан сел напротив, поставил локоть на стол и задумчиво подпер подбородок ладонью. Он перевёл взгляд с девушки на окно и обратно, после чего покачал головой.

— И интересно, а за что его посадят-то? Его же посадить не за что! Ну сидит человек на лавочке, может, в носу ковыряется. Это ж не преступление! А у тебя ложный вызов, штраф пять тысяч! Да!

Степан говорил с такой убеждённостью, будто лично составлял административный кодекс, причём отдельные статьи придумывал непосредственно во время составления протоколов.

Он выпрямился, цокнул языком и, вспомнив ещё один источник чрезвычайно полезных знаний, многозначительно поднял палец.

— Я вот одну программу смотрел научно-популярную, так там говорили: жертвы нечасто сами садятся. Да. Вот такая вот петрушка выходит.

Катя обдумала его слова, а затем нерешительно подалась вперёд. Сергей по-прежнему сидел во дворе, и мысль о том, что ей придётся остаться одной, совершенно не радовала.

— Слушай, извини, если я многого прошу или хочу, а ты не мог бы остаться? Мне так спокойнее будет. Ну вдруг он ночью в дверь долбиться начнёт? Просто я тебе на полу постелю.

Степан задумался. Его взгляд медленно переместился куда-то в сторону, словно за кухонной стеной внезапно открылись необозримые просторы вселенной, где можно было найти ответ на столь непростой вопрос. Он почесал бровь и с осторожной надеждой посмотрел на хозяйку.

— Может, тогда лучше вместе на кроватке, валетиком? А то я вот помню, на теплотрассе один раз уснул, так у меня до сих пор клещ... Господи, клещ, — сказал! У меня до сих пор спина зажата в одном месте. Я вот иной раз думаю, кто б массажик мне сделал, в благодарность,

например. Я вот недавно давеча в лифте спёр медь, ну немного там было, грамм двадцать. Так я вот тогда узнал...

Катя, до этого внимательно слушавшая рассуждения о больной спине, вдруг насторожилась. Последнее признание не вязалось с образом человека, который за один вечер бесплатно починил ей половину домашней техники.

— Прости, что ты сделал?

Степан осёкся. На мгновение по его лицу пробежала тень человека, который случайно открыл не ту дверь, но уже через секунду он нашёлся и недовольно замахал рукой.

— Давай всё-таки на «ты»! Чего ты мне выкаешь? Мы же не эти, того самого, мы ж люди, чего нам выкать? Вот если б мы волки были, мы бы выли! А тут выкать-то смысла нет!

Катя растерянно моргнула. Её немного смущало, что разговор о возможной краже внезапно превратился в обсуждение особенностей человеческой речи, однако спорить она не стала.

— Да, прости, я забыла. Так о чём мы?

Степан заметно оживился. По всей видимости, напоминание о первоначальной теме позволило ему окончательно восстановить ход собственных воспоминаний.

— Лифт, говорю, я чинил! Не так давно, да, по спецзаказу. И вот тогда ещё подумал: спина у меня ни к чёрту, не буду я на полу спать! Вот ты хоть убей меня, вот здесь молния пусть меня разразит, если я не прав, не буду я спать на полу!

Для убедительности он поднял указательный палец к потолку, но, заметив висящую там люстру, благоразумно опустил руку. Молния, конечно, представлялась событием маловероятным, однако проверять качество электропроводки в третий раз за вечер ему совершенно не хотелось.

Катя вздохнула и виновато кивнула. Она действительно не подумала, что человек, которого она сама попросила остаться, может испытывать какие-то неудобства. К тому же после всех сегодняшних ремонтов Степан вполне заслужил нормальный отдых.

— Прости, прости, я что-то действительно не подумала. Это же мне помощь нужна, а не тебе. Да, я посплю на полу.

Степан посмотрел на неё, затем на кухонный стол, словно там мог лежать заранее подготовленный список возможных спальных мест. Предложенный вариант его тоже почему-то не устраивал.

— А чего, валетиком или раскладушка — не вариант?

Катя покачала головой. Она уже начинала подозревать, что вопрос с ночлегом окажется сложнее, чем ремонт стиральной машины, хотя последняя хотя бы не выдвигала собственных требований.

— Ну, раскладушки у меня нет. А спать с незнакомым мужчиной в одной кровати я не буду.

Степан тяжело вздохнул и опустил голову. Глядя на собственные руки, он вдруг осознал несправедливость своего поведения.

— Согласен! И ты меня прости, я чего-то, бога ради, действительно зазнался! Ой, царём себя тут возомнил! Хожу тут, портянками своими трясу! Так не буду, это не хочу, а вот человеку помочь-то — святое дело всё-таки, на минуточку!

Он укоризненно покачал головой, словно отчитывал самого себя за недостаточную сознательность, и, почувствовав необходимость подкрепить сказанное каким-нибудь весомым жизненным примером, продолжил:

— А как мы помним, я авангардист! Да, известный художник! Вот помню, рассказывали по телевизору про авангардистов, и я подумал, что вещь известная. Я тоже авангард, знаешь, люблю! Вот иной раз берёшь так вилку или ложку и думаешь: силой мысли-то не согнётся! А это уже авангард, на минуточку!

Катя не выдержала и расхохоталась.

Причём рассмешила её даже не последняя фраза, а весь этот невероятный поток мыслей, в котором больная спина каким-то образом соседствовала с медью из лифта, волками, царскими замашками и известными художниками. Степан перескакивал с одной темы на другую настолько естественно, будто между ними действительно существовала очевидная связь, которую только она одна почему-то не замечала.

А сам Степан смотрел на смеющуюся девушку с серьёзным выражением лица, явно не понимая, что именно из сказанного показалось ей настолько забавным.

— Ладно, пойду гляну, что там, как там, где там, что там.

Степан поднялся из-за стола и отправился в гостиную, оставив Катю с приятным ощущением, что вопрос с ночлегом каким-то образом решился сам собой. Правда, каким именно, она пока не понимала.

В гостиной Степан остановился возле дивана и принялся его разглядывать. Диван был довольно большой, с широкими подлокотниками и выдвижной нижней секцией. Степан присел, заглянул под сиденье, нащупал механизм и для начала слегка пнул боковину ногой, проверяя устойчивость конструкции.

Затем он отодвинул диван наискось, освобождая пространство, потянул за нижнюю секцию и обнаружил, что та стоит на собственном каркасе с колёсиками. Разобравшись с креплениями, Степан выкатил её полностью, отсоединил от основного корпуса и передвинул к противоположной стене. Оставшаяся часть дивана, после того как он уложил спинку, тоже представляла собой вполне приличное спальное место.

Теперь вместо одного большого дивана в комнате располагались две отдельные кровати, между которыми можно было совершенно спокойно пройти.

Степан отошёл на пару шагов, оценил результат и довольно потёр ладони.

Катя всё это время наблюдала за ним из дверного проёма с каким-то неожиданным умилением. Удивительно, но человек, который ещё недавно серьёзно обсуждал с ней возможность сгибать ложки силой мысли, теперь вполне профессионально разбирался с мебелью, причём даже не спросил, где у неё лежит инструкция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.